

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ-2

“Резистанс” или “Сопrotивление”

Кто не слышал о французском Сопrotивлении и “маки” в неизменных беретах, спускающихся с гор и наводящих ужас на гитлеровцев?

Все слышали.

Кто не смотрел фильм Р. Клемана “Битва на рельсах” об отважных французских подпольщиках?

Все смотрели.

Однако в памяти оставались всё больше весёлые комедии на тему “Резистанса”. Например, “Бабетта идёт на войну” с Бриджитт Бардо или “Весёлая прогулка” с великими комиками Луи де Фюнесом и А. Бурвилем, в которых просто зашкаливала степень несерьёзности и откровенного шутовства при подаче темы войны и оккупации.

Помните? В начале Второй мировой наивная молоденькая девушка Бабетта устраивается на работу в бордель. Однако тот в полном составе эвакуируется от наступающих немцев на экскурсионном катере. По стечению многих обстоятельств Бабетта оказывается в Англии и попадает на работу в штаб британской разведки, а потом и во вражеский тыл. Как говорила одна из героинь фильма, “если им (немцам) и удастся положить нашу родину на лопатки, то не бесплатно!”

Согласитесь, снимать комедию о войне может лишь тот, для кого война — комедия. А если комедии о войне ставятся на поток, то это говорит о многом. Не случайно отечественное кино не ведало феномена комедии о войне: такой фильм мог восприниматься в России не иначе, как глумление.

А кто не слушал замечательные песни об отважных маки?

Все слушали.

Так рождаются романтические легенды, поддерживаемые всей мощью пропагандистской машины. И советская пропаганда в том ряду не была исключением. С той лишь поправкой, что она прославляла французских коммунистов — авангард Сопrotивления. Авангардом они и были. Только вот значением своим в глазах современников и последующих поколений французское Сопrotивление обязано не столько собственно героическим маки, сколько литературе и искусству.

Прав был Пушкин: “Мы ленивы и не любопытны”. Иначе бы мы, к удивлению своему, узнали, что первый немец был убит во Франции лишь в 1942 году. Да и то не известно кем.

Окончание. Начало в №6 за 2014 год.

Скажем прямо: англичане, которым позарез нужны были, в первую голову, глаза и уши, а также немного диверсий, прилагали титанические усилия, чтобы создать во Франции хоть какое-то движение сопротивления. Оттого-то и засылали они во Францию (в основном, по воздуху) свои диверсионные группы – детища британской разведки, возвращавшиеся потом на Альбион.

А для настоящего Сопротивления нужны те, у кого есть желание сопротивляться, но их-то как раз и не было или, скажем мягче, остро не хватало, ибо немцы французов особо не раздражали. Раздражать они их стали к концу войны, когда обострилась проблема с продовольствием. Однако трудности с обедом едва ли могут стать для горожанина причиной того, чтобы бросить всё и уйти в подполье или партизанить в горы при общей неясности международной обстановки. Эдак можно было бы всю оставшуюся жизнь пропартизанить и так ни до чего не допартизаниться.

А вот англичане, а впоследствии американцы французов раздражали. Раздражали своими бомбежками, особенно жителей Нормандии и Бретани. Ненавидимый же партизанами “бош”, напротив, давно уже никого не бомбил, был в меру учтив и за всё платил в твёрдой валюте.

Разумеется, с течением времени, а вернее, с изменением ситуации на советско-германском фронте наставало и просветление, как это случилось, например, с будущим президентом Франции Ф. Миттераном, плавно эволюционировавшим от ярого сторонника Петена до активного участника “Резистанса”, сиречь Сопротивления. Его пример – “другим наука” и хорошая иллюстрация того, как менялась в “чёрные годы оккупации” позиция французов, которых со временем стала весьма нервировать мутная политика Германии по отношению к Франции, поскольку оставалось совершенно неясным, какую роль отведёт ей рейх, частью которого она стала.

Считается, что партизанское движение во Франции возникло в 1941 году одновременно с началом войны против СССР, равно как и то, что организаторами его были коммунисты. Правду сказать, до тех пор, покуда между Германией и Советским Союзом существовал пакт о ненападении, французские коммунисты проявляли максимальную сдержанность, что, впрочем, не составляло им особого труда. Вскоре к партизанскому движению, получавшему новый стимул всякий раз, когда становились известными неудачи немецкой армии на фронте, примкнули и националисты. Росту партизанского движения сильно способствовало и недовольство, вызванное принудительным перемещением французских рабочих в Германию.

Едва возникнув как нечто единое, движение Сопротивления распалось на две большие группы, расколотые внутри борьбой за власть и нередко даже постреливавшие друг в друга. Это были основанная националистами *Organisation Resistance de l'Armee* и руководимое преимущественно коммунистами *Mouvements Unis de Resistance*, из которой затем возникли *Franctireurs, Travailleurs, et Partisans*. Тем не менее, на момент высадки десанта союзников в Нормандии обе эти партизанские группы были объединены в одну организацию *Forces Francaises de l'interieur*.

Ещё не дождавшись ухода немцев, члены этой организации и их добровольные помощники принялись наводить свой порядок и судить тех, кто сотрудничал с оккупантами. Но поскольку судить пришлось бы в таком случае всех, то ограничились самыми слабыми и беззащитными. Ими оказались в подавляющем большинстве своём французские женщины. Их брили наголо, мазали дёгтем и выставляли в исподнем на позор.

Весьма показательно, что поношению они подвергались не за принадлежность к своему профессиональному цеху, а за то, что клиентами их были немцы, хотя профессия дам изначально предполагала обслуживание клиентов вне зависимости от их национальной принадлежности и рода деятельности. И теперь французские мужчины сладострастно отыгрывались на несчастных женщинах, которых сами же не смогли защитить. Не исключено, что новоявленные “палачи нравов” тривиально вымещали свою досаду на то, что, ввиду отсутствия у них во время оккупации твёрдой валюты, они, в отличие от “бошей”, не могли пользоваться услугами выставленных на позор дам.

Не оставались в стороне и добропорядочные мадам, впавшие по тысяче разных причин в грех осуждения. В Париже толпа ловила и забивала насмерть проституток, поскольку “эти паршивки”, видите ли, продавали себя немцам за деньги! То, что Франция была фактически союзницей Германии, то, что

всю войну она, не покладая рук, работала на Германию и кормила Германию, получая за это деньги, оставалось “за рамками дискурса”.

Между прочим, коммунисты пытались как-то прекратить эту вакханалию, но их энергично стал окорачивать де Голль, привезённый во Францию именно для того, чтобы противостоять послевоенной “коммунистической угрозе”. Как верно подмечает современный исследователь, “Сопrotивление” активно выдвигалось из всех самоорганизующихся местных органов власти, и де Голль, изначально позиционировавший себя как “французский националист”, считал, очевидно, что коллективную вину лучше всего канализировать на кого-то другого, и в роли этого другого естественнейшим образом оказались самые слабые члены общества”. (Дверь в стене – 79. <http://alexandrov-g.livejournal.com/245725.html>).

Не минула чаша сия и вернувшихся из немецкого плена солдат и офицеров. “Самоосвободившиеся” французы и француженки глядели на них с едва скрываемым презрением. В данном случае их позиция была куда более понятной и оправданной: ведь им, в отличие о путан и легкомысленных дам, было доверено оружие.

Одним словом, тотчас же после “Великой Победы” наступило время сведения счётов. И участь павших была горька.

СССР и Виши

Советско-французские дипломатические отношения не прервались и после капитуляции. Прерывать их было не с руки обеим сторонам, кроме того, для этого не было формального повода, поскольку не возникал вопрос ни о признании Виши как государства, ни как правительства. В силу того, что изменения в государственном устройении Франции произошли с согласия Национального собрания, режим Виши автоматически становился правопреемником Третьей республики. Правительство Петена было признано 32 государствами. Для советского государства, придерживавшегося нейтралитета в разразившейся войне, установление отношений с Виши диктовалось массой практических соображений, а контакты с государством Виши, плотно сотрудничавшим с Германией, давали возможность получать информацию и о самом рейхе.

Деятельность советского полпредства распространялась как на “свободную зону” (территорию под управлением правительства Виши), так и на оккупированную германскими войсками территорию Франции. Безусловно, политическое и военное руководство СССР было заинтересовано в сборе информации, имевшей стратегический характер, включая вопросы причин военного поражения Франции, степени боеготовности войск вермахта и, по возможности, дальнейших намерений и планов германского командования. Можно предположить, что деятельность военного атташе комбрига И. А. Суслопарова была нацелена на выполнение именно этих задач.

Показательно, что штат советского полпредства во Франции увеличился с сентября 1940 года по июнь 1941-го вдвое. В докладе полпреда в НКВД от 5 декабря 1940 года отмечалось, что правительство Виши отказалось от антисоветского курса Даладьё и Рейно. “Теперь антисоветская политика перестала быть модой... сменился тон прессы. Разгром коммунистов и всякого рода гнусности в виде антисемитизма не мешают французским газетам сменить тон по отношению к СССР”.

Осторожная и взвешенная позиция Виши отчётливо проявилась во время вхождения республик Прибалтики в состав СССР летом 1940 года. Французский посол в Москве Э. Лабонн подтвердил получение советской ноты относительно “изменившегося международного положения” прибалтийских государств и заявил, что правительство Виши “принимает этот документ во внимание”. В то же время он осторожно добавил, что Франция имеет в прибалтийских странах определённые интересы, и выразил надежду на то, что “советское правительство примет меры по обеспечению этих интересов”.

В общем, “было всё очень просто, было всё очень мило...” В свою очередь, сотрудники НКВД из последних сил создавали видимость того, что советское руководство по-прежнему относится к Франции как к суверенному государству. Впрочем, для какого-либо активного протеста с далеко идущими практическими последствиями руки у Виши были слишком коротки.

Подала признаки жизни и торговля: в ноябре 40-го посольство Виши в Москве запросило информацию о возможности поставок из СССР (читаем внимательно!): соли, жиров, сухих овощей, сахара, зерна, угля, марганца, асбеста, некоторых продуктов химической промышленности, обещая предоставить в обмен колониальные товары. Помимо этого, французы поставили вопрос о возможности транзита через СССР французских товаров, а транзит — дело выгодное, ибо денежное.

Наконец, и вовсе любопытное: вишисты решились закупить в СССР 50 боевых самолётов и отправить их через Владивосток в Индокитай. Понадобились стальные птицы французам ввиду неожиданно открывшейся злопамятности Таиланда, обиженного полвека назад Францией, отобравшей у него исконные земли в Лаосе и Камбодже. Возможно, тайские генералы терпели бы обиду и дальше, если бы не японцы, выразившие поддержку справедливой борьбе тайского народа за свою территориальную целостность и попросившие брать с них пример. А он был впечатляющ: в сентябре 40-го правительство прямого потомка богини Аматарасу вежливо предложило правительству Виши заключить соглашение о размещении японских войск в Северном Индокитае, и галантные французы не смогли им в том отказать. Так что сигнал тайскими генералами был принят.

Война не приходит одна: уже в ноябре тайцы выставили французам свои резоны и, не дождавшись от французов нужных слов, перешли к делу. Так, едва успев закрыть Западный фронт, Франция — теперь уже в своём усечённом виде — принуждена была открыть фронт Восточный, и война пошла своим чередом. Всё было вполне серьёзно. В конфликте с обеих сторон приняло участие до 100 тысяч солдат, более 200 самолётов и 10 боевых кораблей. Оказалось, что у Таиланда есть вполне современные боевые самолёты, на которых они чуть позже начнут сбивать англичан, свои боевые корабли, построенные в Италии и Японии, и даже четыре подводные лодки.

В итоге победила дружба. Дружба между Таиландом и Японией, вынудившей вишистов уступить Таиланду Лаос и две провинции Камбоджи, что было закреплено в мирном договоре между Францией и Таиландом от 11 марта 1941 года.

А в следующем квартале — 23 июля — было уже подписано соглашение между Японией и Францией и об использовании японскими войсками военных баз в Южном Индокитае. Не успели высохнуть чернила на тексте договора, как Япония оккупировала Южный Индокитай, успешно повоював третьим государством — Таиландом — за свои интересы. А если учесть, что в Северном Индокитае японские военные базы размещались с сентября 40-го, то можно утверждать, что теперь уже весь Индокитай стал японским. И это стало лишним подтверждением правоты русской поговорки о том, что «на обиженных воду возят».

Войной с Таиландом дело не закончилось. В мае 1941 года французам вновь пришлось повоевать в Ливане и Сирии: на сей раз уже с англичанами и сторонниками де Голля, однако здесь их поджидал полный разгром.

Не получив ответа на свой запрос о закупке в СССР боевых самолётов, французы, проигравшие войну, помимо Германии, ещё и Таиланду, затаили на товарища Сталина глухую обиду. Обида прорвалась наружу 30 июня 1941 года, когда правительство Виши разорвало с СССР дипломатические отношения. Поводом для этого стали документы, свидетельствовавшие о том, что СССР якобы ведёт во Франции разведывательные операции.

Аутентичность этих документов не обсуждалась, однако ведение сотрудниками дипмиссии разведывательной деятельности на территории государства пребывания едва ли когда в истории становилось поводом для разрыва дипломатических отношений. Да и не ловлей же бабочек в Булонском лесу должен был заниматься военный атташе генерал И. А. Сулопаров! Ах, да, конечно, он должен был представлять Красную Армию в Виши. Ну, так он её и представлял!

Надобно сказать, что 22 июня полпред СССР А. Е. Богомолов нанёс визит маршалу Петену, а на следующий день — министру обороны генералу Хюнтцигеру, и обе встречи прошли в доброжелательной атмосфере. Настораживало, однако, то, что на пресс-конференции представителя генерального секретариата правительства Виши, состоявшейся 22 июня, было сделано заявление, которое при всём желании не могло быть расценено в качестве лояльного по отношению к СССР: «Часть французского общественного мне-

ния с удовлетворением встречает борьбу Германии против большевизма". Этот тезис стала активно развивать пресса, по мнению которой, Германия вела войну "за сокрушение большевизма, за освобождение всей Европы от большевистской опасности, защищая тем интересы Франции".

Войну СССР Виши вплоть до своего конца так *de jure* и не объявило; вместо этого в инициативном порядке стал формироваться так называемый "Антибольшевистский легион" – *Legion des Volontaires Francais contre le Bolchevisme* – *LVF*, в русской транскрипции – ЛФД. Стоит отметить, что сей легион создавался, можно сказать, и впрямь не столько "благодаря", сколько "вопреки" Петену и Гитлеру. И на то были свои веские основания. Петен решил лишь "не препятствовать" его созданию, здраво рассудив, что это могло бы стать поводом для объявления ему войны со стороны СССР с далеко идущими последствиями, однако вынужден был уступить напору "правых" вишистов "снизу".

Не был в восторге от этой идеи и Гитлер, согласившийся с созданием легиона, но лишь при соблюдении трёх условий: легион должен быть "частной", а не государственной инициативой (создание легиона должно идти "снизу", и "поддержка таких организаций со стороны французского правительства нежелательна"); его численность не должна превышать 10 000 человек; вишистское правительство не требует ничего взамен. Фюрер последовательно гнул свою линию, напоминая всем и всякому, что Франция побеждена Германией и что он не намерен "менять что бы то ни было в тактике обращения с французами, пока кампания на Востоке не будет закончена".

Его возмутила услужливо подложенная ему записка в какой-то "бесстыдной газете правительста Виши", в которой объявлялось, что "война против Советского Союза является войной Европы; поэтому она-де должна вестись для Европы в целом. Очевидно, газета Виши хотела этим сказать, что воспользоваться плодами победы в этой войне должны будут не только немцы, но и все европейские государства".

Понятное дело, что покуда дела на фронтах в России шли весьма неплохо, находилось масса желающих "примазаться к славе" Германии, и фюрера подобная наглость не могла не бесить.

Инициаторами рекламной акции "Легион" выступили Жак Дорио (1898–1945) и Поль Марион (1899–1954), проделавшие энергичную эволюцию от убеждённых коммунистов (коминтерновцев) и интернационалистов до ещё более убеждённых фашистов ("коллорационистов") и националистов. При этом П. Марион был до 1929 года членом ЦК компартии Франции, а Ж. Дорио даже соперничал с М. Торезом в борьбе за пост генсека ФКП.

С целью поддержания высокого боевого духа своих "крестоносцев" Дорио регулярно выезжает на фронт, на котором проводит, начиная с 1943 года, 18 месяцев. О рвении "вдохновителя и организатора" легиона прознал сам фюрер и пожаловал Дорио Железным Крестом.

П. Марион вошёл в качестве министра в правительство Виши, а чуть позже занял пост главы французских "Ваффен СС". И хотя оба "бывших" друг друга, мягко говоря, недолюбливали, однако общее дело делали сообща.

8 июля в Париже открылся первый пункт по набору добровольцев. По иронии судьбы, прежде это здание принадлежало советскому агентству "Интурист". Следует сказать, что потенциальных "интуристов" ожидали в России не расходы, а, напротив, очень высокие доходы, что не могло не служить для желающих прокатиться туда по "бесплатной путёвке" реальным стимулом. Зато не дремала медкомиссия, предъявлявшая к здоровью желающих быть зачисленными в легион совершенно немыслимые по всем прежним меркам требования. Не исключено, что она держала в уме директиву фюрера относительно максимальной численности легиона и страховала себя от "перевыполнения плана".

Относительно общего числа легионеров в кругу историков не сложилось единого мнения, однако с достаточной уверенностью можно говорить о 6,5 тыс. человек, причём более половины из них находились на Восточном фронте. Даже если принять общую цифру 7000 человек, которая порой встречается в литературе, то и тогда количество набранных легионеров серьёзным образом не дотягивало до планировавшегося.

Кто были эти французские "интуристы"?

Через шесть лет в обвинительном заключении трибунала по рассмотрению дел фашистских лидеров режима Виши участники легиона были охарактеризованы как "продажные элементы и деклассированные лица, не способные к какой бы то ни было нормальной социальной жизни".

Такой приговор легионерам был сродни самооправданию. Дотошные историки выяснили, что около 60% легионеров были в основном люди рабочих профессий, а также мелкие клерки и работники небольших фирм и офисов. Одним словом, то был пролетариат и очень мелкая – мельче не бывает! – буржуазия. (См.: Бэйда О. И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 годы. М., “Вече”, 2013).

Остальные 40% принадлежали, судя по всему, к числу тех, кого на Руси советской называли не без доли иронии “идейными” (простим же себе недостаточную научную корректность подобной классификации!).

Один из самых известных легионеров, Пьер Ростэн, так обосновывал своё вступление в легион: “Я француз. Я антикоммунист. Я солдат. Я отвечаю на призыв маршала Петена к защите Франции”. Оказался среди “идейных” и лейтенант Фредерик Помпиду, родной дядя будущего президента Франции Жоржа Помпиду (1969–1974). Что тут скажешь? Франция – страна маленькая, все друг друга, можно сказать, знают, так что ничего нет удивительного в том, что среди легионеров сплошь и рядом объявлялись близкие родственники высокопоставленных и высокоуважаемых персон.

Попадались среди легионеров и субъекты с несколько иной, более приземленной мотивацией. Так, командир I батальона майор Жан Ксавье Симони присёл в 1943 году, что большая часть бойцов его батальона рассматривает своё пребывание в России как возможность питаться лучше, чем во Франции, и иногда расслабляться в обществе женщин и пить водку.

Встречались среди французских прислужников фюрера и наши бывшие соотечественники: в ЛФД служило несколько десятков белоэмигрантов и даже их детей. Так, знаменосцем легиона стал земляк товарища Сталина, бывший грузинский князь (а может, и не князь, хотя кто в Грузии не князь?) уроженец г. Гори Константин Амилахвари. Любопытно, что его родной брат – Дмитрий Амилахвари – служил у де Голля, не раз помянувшего его в своих мемуарах. Оба брата служили прежде в Иностранном легионе, и оба заслужили награды. Константин – Железный Крест от фюрера, а Дмитрий – орден Почётного легиона от де Голля. И оба погибли. Константин – в результате обморожения в России, а Дмитрий – от немецкой пули в Африке. Попадались в легионе и украинцы. Да кого там только не было, включая нашего брата-русака, был даже армянин – 15-летний “сын полка”!

*Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут...*

И это лишь подчёркивало справедливость тезиса о том, что “француз”, равно как и “немец”, – понятие собирательное.

Война – дело многоплановое. Многоплановое настолько, что даже трудно себе вообразить. Вот, например, такая, на первый взгляд, “мелочь”: в чём идти воевать?

А ведь вопрос об униформе идущего на войну оказывается на поверку не менее важен, нежели тот, который ежедневно задаёт себе любая дама: “Что надеть?”

Первоначально планировалось, что воевать французские легионеры пойдут в униформе “от Петена”, однако Гитлер сам был изрядный кутюрье и предложил своё изделие – униформу вермахта: знаменитое “фельдграу” (“полевое серое”).

В парижских листовках легионерам обещали, что они будут сражаться во всём французском, хотя и с германскими знаками различия*. Однако тендер на поставку готового платья большими партиями и в стандартных размерах (“прет-а-порте” – фр. prêt-à-porter) выиграл всё же Гитлер, пойдя, впрочем, на определённый компромисс со своим конкурентом Петеном в части “выпу-

* Этот проект предложил 15 июля полковник Г. Шпайдель, начальник штаба оккупационных войск во Франции, которого позднее стали подозревать в сговоре с высидившимися в Нормандии союзниками. Отвлекаясь в сторону, добавим, что благодаря ему, Шпайделю, основные части вермахта безучастно наблюдали, как англичане и американцы тучами высаживаются на песчаных пляжах, а слабые береговые части вермахта ведут с ними неравный бой, тщетно зывая о подкреплении и поддержке огнём. Последующая бурная карьера генерала Шпайделя в структурах НАТО лишь усугубила эти подозрения.

шек и петличек”. Французам было милостиво дозволено обозначать свою национальную принадлежность нашивкой на правом рукаве, с изображением триколора и надписью “France” сверху. Было сделано и ещё одно послабление: во время отпуска во Франции волонтёры могли носить униформу ЛФД цвета хаки, сделанную по образцу униформы французской армии.

Кроме того, служебную документацию разрешено было вести на французском языке, на нём же отдавались приказы: *милость фюрера к павшим* была воистину неизреченна.

Петену не оставалось ничего другого, как утешать себя русской поговоркой: “Что Бог ни делает, всё к лучшему!” Дразнить товарища Сталина показом французской высокой моды – “от кутюр” – Haute couture – на русских просторах и впрямь не стоило, ибо дефилировать в ней по русскому подиуму, ставшему театром военных действий, было бы равнозначно объявлению войны России. Однако горечь от проигранного Гитлеру тендера у Петена осталась, и он ещё долго сожалел о том, что немцы не взяли на вооружение его разработки, что позволило бы преодолеть сдержанное отношение общественности к легиону, *“собиравшемуся воевать против несомненного врага европейской цивилизации”*.

В результате пропагандистскую машину Виши развернули на 180 градусов, и бойкие независимые перья стали убеждать читающую публику в том, что, *“давая французам надеть униформу своей победоносной армии, фюрер рейха тем самым автоматически перестал рассматривать этих людей как поверженных врагов”*. Озвучивали и ещё один резон: если бы легионерам довелось, паче чаяния, столкнуться на поле боя с французами, воюющими в составе британской армии (“голлистами”), то в таком случае могла возникнуть изрядная путаница, а посему и обмундировали легионеров не так, как было обещано прежде. Охотников задать классический вопрос: “А куда же вы глядели раньше?” – или: “А как решалась аналогичная проблема в Ливане и Сирии?”, – правда, не сыскалось.

К слову сказать, бойкие перья как в воду глядели, и маскарад с переодеванием прямо на подиуме имел порой свои последствия. История не раз фиксировала неожиданные встречи французов-соотечественников, среди которых одни служили у де Голля и щеголяли туалетами от Рузвельта, другие – в вермахте и носили шмотки от фюрера. Суть разговоров, случавшихся в зоне ответственности “моделей де Голля – Рузвельта”, свелась к следующему:

– Что же вы, гады, форму бошей надели и своих же братьев живём спалили?

– А вы, сволочи, на вашу американскую форму взгляните!

Возразить уязвленным французам, предпочитавшим одежду от Рузвельта, было нечего, и они пускали любителей прет-а-порте от Гитлера в распыл.

Небезынтересно и мнение самих моделей, решившихся выйти на русский подиум. Разумеется, им втолковывалось, что ношение германской униформы является *“символом верного, безоговорочного примирения между Францией и Германией”*.

В официальном отчёте ЛФД утверждалось, что якобы многие легионеры писали в письмах домой, что они *“горды носить германскую униформу”*. Там же отмечено, что отказ от ношения германской униформы грозил заключением сроком от 5 до 15 лет. Несмотря на это, 17 октября в Версаль отправился поезд под командованием капитана Романовски, на котором уехало 60 “отказников”, из которых 8 были офицерами. Причины их отказа от службы были разными, в том числе и нелюбовь к изделиям высокой моды от фюрера.

Присяга

5 октября в 10 часов утра первые два батальона принесли присягу Адольфу Гитлеру, правда, не как рейхсканцлеру, а как “главнокомандующему вермахта”. Немцы терпеливо разясняли и успокаивали французов тем, что это всего лишь обычная военная процедура и что присягают они не на всю оставшуюся жизнь, а всего лишь на время операций. Митинг, плавно перетекший в двойное – католическое и протестантское – богослужение, открыл Дорио, а завершил его выкриком *“Хайль Гитлер!”* капеллан легиона. История сохранила текст этой присяги: “Я клянусь перед Богом беспрекословно подчиняться главе гер-

манских и союзных армий, Адольфу Гитлеру, в борьбе против большевизма и готов в любое время как храбрый солдат пожертвовать своей жизнью”.

После богослужения выступил командир полка полковник Р. Лабонн, бывший военный атташе Франции в Турции. По ходу речи полковник не удержался и впал в патетику, объявив своих подчинённых наследниками “самого” Готфрида Бульонского – одного из “организаторов и вдохновителей” первого Крестового похода (1096–1099). Он особенно подчеркнул “азиатскую” и “звериную” сущность РККА, а Сталина назвал “Атиллой, бичом Господним”.

Полковник был учён и пылок. По всему выходило, что стольный град Москва есть аналог священного града Иерусалима, а Россия – Святой земли. А называть товарища Сталина “бичом Божиим” было и вовсе двусмысленно. Одним словом, накаркал полковник на свою голову. И на прочие головы тоже. 4 ноября 1941 года Фёдор фон Бок запишет в своем “Дневнике”: *“Сегодня вечером со мной обедали командир Французского добровольческого пехотного полка и его адъютант. Полковник – пожилой человек, объездивший полмира. При всём том великим авантюристом или великим путешественником его не назовёшь. Скорее это великий идеалист. Его адъютант – офицер резерва, профессиональный политик в прошлом”* (Бок Ф. фон. “Я стоял у ворот Москвы”. Дневник командующего группой армий “Центр”. М., 2009).

Думается, называть профессионального военного разведчика “великим идеалистом” означало весьма невысоко оценивать его способности.

Ознакомившись с текстом присяги, кое-кто почувствовал себя преданным и отказался приносить её. Строптивцев избили и отправили в тюрьму. Выжили из их числа далеко не все.

А фюрер, по-видимому, уже начал жалеть о том, что дал санкцию на формирование легиона. Главное командование сухопутных войск проинформировало группу армий “Центр” о том, что не стоит ждать скорой переброски ЛФД на фронт: *“Фюрер желает, чтобы по вопросу легиона была занята выжидательная позиция, по политическим причинам”*. Проще говоря, было решено “тянуть время”.

В конце концов, легион получил обозначение 638-го французского гренадёрского полка и был отправлен на Восточный фронт. Французы двинулись на Москву почти той же дорогой, что и их прадеды 129 лет назад, с той лишь разницей, что в 1812 году немцы были в рядах французской армии, а в 1941 году французы плелись на Восток в составе немецкой.

“Маршируй или сдохни”

Сей девиз Иностранного легиона красовался на шинелях “неокрестоносцев”, личным примером доказавших, что маршировать и подышать можно одновременно. Скажем сразу: основные потери легиона были небоевыми, но оттого не менее тяжёлыми.

Прибыв в Смоленск в конце октября 1941 года, легионеры двинулись на Вязьму, а оттуда на Москву по той же старой Смоленской дороге, по которой 129 лет назад прошли их несчастные пращуры. Дело не заладилось сразу же. И виной тому был поначалу не жуткий “генерал Мороз”, а не менее жестокая “полковничиха Распутица”.

Дорога превращалась в месиво из снега, грязи и льда. Лошади падали, пушки застревали в грязи, люди, измученные болезнями и вшами, отставали и терялись. По дороге на Вязьму было брошено на дороге 27 человек. 22 бойца были всё же обнаружены возвращавшимися из Вязьмы немцами в плачевном состоянии, после чего их отправили в Париж, *демообилизовали и вернули по домам*. Пять трупов было найдено позднее. Ещё пятеро пропали без вести, их трупы нашли на дороге между Вязьмой и Смоленском; они умерли от усталости и голода.

Вдобавок легионеров начала косить дизентерия, и тут уж становилось не до маршей. Болезнь за несколько дней охватила до трети личного состава. Надо же было такому случиться, что вспышка её пришлась на 7 ноября, на тот самый день, когда советская страна отмечала 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, итоги которой легионеры вызвались ликвидировать. Могло показаться, что большевистские боги откровенно издевались над “фельдфебелями в вольтерах”.

Случались истории и вовсе загадочные: сержант и ветеран гражданской войны в Испании – вольной волею или нехотя – всадил в себя из своего пулемёта разом 32 пули; взвод, решивший погреться в русской избе, устроил пожар и потерял в результате всё своё оружие и снаряжение. Наконец, явился и сам “генерал Мороз”, подвергший страдавшего диареей “брата мусью” сущим пыткам.

За время марша из Смоленска в Вязьму из строя выбыло (потерялись, отстали, заболели, пропали без вести, дезертировали и т. д.) примерно 400 (!) бойцов. Многие стали калеками.

По дороге на войну полк нагнало приветственное слово Петена: “Зная, что вы в скором времени вступите в сражение, я с гордостью осознаю, что вы понесёте с собой сквозь огонь войны частицу французской славы... Приняв участие в этом крестовом походе, возглавляемом Германией, вы, помогая отразить угрозу человечеству, которую несёт с собой большевизм, заслужите тем самым благодарность людей всего мира. Помните, что в этой войне вы защищаете свою землю, одновременно давая надежду всем народам Европы на взаимное примирение в будущем...”

Свою оценку части дал фон Бок – командующий группой армии “Центр”: “... в отличие от кадровых частей, подразделениям Французского добровольческого легиона не хватает дисциплины, и в нём царит дух этойкой разгульной военной вольницы”. 638-й французский гренадёрский полк являл собой некое подобие цыганского табора (Бок Ф. фон. “Я стоял у ворот Москвы”. Дневник командующего группой армий “Центр”. М., 2009. С. 222, 224).

В результате французский полк решено было усилить “военспецами” вермахта, дабы сёй “цыганский табор” не позорил немецкий мундир.

До передовой французы добрались лишь 24 ноября. Да и дошёл всего один из двух батальонов, из которых состоял 638-й полк. Второй застрял где-то по дороге, и его решено было использовать в качестве дивизионного резерва – подальше от греха. Простояли на позициях французы всего ничего – до 6 декабря, когда началось наступление Красной Армии под Москвой. Серьёзное дело было лишь одно, и закончилось оно для французских туристов весьма скверно: на жестоком морозе даже лёгкое ранение грозит гибелью, а раненых было немало.

6 декабря немецкое командование отдало приказ *сворачивать удочки*, и французы, так и не познавшие *упоеания в бою*, двинулись уже знакомой дорогой в обратный путь. Теперь уже трудно сказать, препятствовал им на марше “генерал Мороз” или же, наоборот, подстёгивал “шагать веселей”.

Фотографии, хранящиеся нынче в Бундесархиве, рассказывают нам об “этапах большого пути” несчастного Французского легиона.

*Увы, не нашлось у французов своего летописца, каковым объявил себя в 91-м пехотном полку “им. Бравого солдата Швейка” вольноопределяющийся Марек. Зато уцелели фотографии Бундесархива, позволяющие почувствовать атмосферу французского **турпохода** на Россию.*

Вот высовываются из окон вагона молодые счастливые парни. На вагоне надпись: “Да здравствует Французский легион! Хайль Гитлер! Да здравствует Франция!” Не исключено, что на ней запечатлён и 18-летний “интурист-доброволец” Максимилиан де Сантер, объяснявший свой выбор так: “... в легион меня привела жажда приключений и острых ощущений. Больше всего я страдал от того, что, пока весь мир пылал, в нашем городе не раздалось ни одного – даже самого малокалиберного – выстрела. Наша провинция жила своей жизнью, как и сотни лет до этого, и это сводило меня с ума. Я хотел повидать мир, иных людей, иные обычаи, хотел познать жизнь, со всеми её сложностями, такой, какая она есть, и не такой, какой её показывают в фильмах”.

Скучно жить на этом свете, господи!

А на этом фото сменивший фон Бока генерал-фельдмаршал фон Клюге по прозвищу “Умный Ганс” напутствует своим проникновенным словом личный состав немецко-франко-немецкой части. На легионеров, кстати, главком наткнулся случайно во время инспекции 7-й дивизии.

Вот знаменосец ЛФД в немецкой каске, сильно смахивающий на Луи де Фюнеса. Уж не бывший ли это князь Амилахвари?

А этот доброволец уже не первой свежести... Так и хочется спросить его: “Дедушка! Ты куда? Может, тебе ещё и “щиколат” в постель? Не подадут у нас в деревне горячего щиколата! Даже в студёную зимнюю пору”.

Гордо реет перед сельсоветом знамя Великой французской смуты – зримый образ “сумерек Просвещения”.

Вот рядовой “вольтер” (явно из санкулотов) держит под уздцы конфискованную у пейзажиста сивку-бурку. В зубах у него сигарка, на лбу вместо картуза – каска.

А этот красавчик – вылитый Жерар Филипп в снятой с русского мужика шапке-ушанке. Уши завязаны. Ни дать ни взять, “Фанфан-Тюльпан. Зимняя коллекция”.

Знать бы им, что конечной станцией для многих из них станет не Москва, а Тамбов... Но Тамбовское сидение случится потом.

Весной 1942 легион сняли с фронта и отвели на переформирование. В результате из него повыгоняли негров и арабов, а также тех европеоидов, для которых бремя белого человека оказалось непосильной ношей. После этого легион снова отправили в тыл. Правда, не во Францию, на курорт, а в Белоруссию, на борьбу с партизанами. Немцы рассудили, что опыт работы французско-колонизаторов с инсургентами в Азии и Африке (среди легионеров попадались солдаты и офицеры колониальных войск) поможет им найти управу и на русских туземцев. Но поскольку партизанили на Руси Белой не только старухи Василисы и мужики с рогатинами, но ещё и кадровые сотрудники спецподразделений НКВД, то франко-русский диалог с самого начала не задался. А после того, как летом 1944-го Красная Армия перешла в очередное наступление, и вовсе вышел конфуз: тыл и фронт поменялись местами, и невезучих шаромыжников, измученных русских коварством и тяжёлыми потерями, пришлось вновь отправлять в тыл. На сей раз уже в Германию. Переформирование обернулось расформированием, а то, что осталось от легиона после очередного “укрепления кадров”, вошло в состав созданной по случаю французской бригады войск СС численностью более 7 тыс. человек.

Сохранилось фотография одного из французских добровольцев, записавшихся в Ваффен-СС. Он очень похож на Ива Монтана. Вот он стоит, улыбающийся, в окружении своих приятелей, с походным чемоданом над головой. На чемодане надпись: “Хайль Гитлер! Французские войска СС”. Для него перед отправкой в Россию сплели с душой и Эдит Пиаф, и Морис Шевалье. Фото датировано октябрём 1943 года.

То ли парень был и впрямь “идейный”, то ли даже в конце 1943 года он не научился “просчитывать варианты”, а может, и то, и другое одновременно. Кстати, набор французов в войсковые соединения СС начался ещё осенью 41-го.

Кстати, разбитая в СССР и выведенная на пополнение во Францию дивизия СС “Дас Райх”, в состав которой входили французы из Эльзаса и Лотарингии, отметилась прогремевшим на весь мир преступлением – уничтожением французского городка Орадур. 14 эльзас-латарингцев, участвовавших в нём, судили открытым судом в Бордо в феврале 1953 года. Суд вызвал напряжение и волнения в Эльзасе. 9 мобилизованных в “Дас Райх” были приговорены к срокам от 5 до 12 лет каторги, 4 – к 5–8 годам тюремного заключения, а один, добровольно вступивший в СС, к смертной казни. Напряжённость в германоязычном Эльзасе способствовала тому, что в том же 1953 году французский парламент большинством голосов принял амнистию применительно ко всем французам, служившим в СС и вермахте. Осуждённые за зверства в Орадуре были амнистированы в том же году, что вызвало волнения уже в Лимузене, где находится Орадур.

В феврале 1945 года французская бригада войск СС была переименована в 33-ю гренадёрскую дивизию войск СС “Шарлемань” – “Карл Великий” – и отправлена в Померанию воевать с Красной Армией. Через месяц она была практически полностью уничтожена. Остатки её (около 700 человек) в конце апреля 1945-го воевали в Берлине, в том числе и на подступах к рейхсканцелярии. Наши бойцы вежливо спрашивали пленных французов, какого лешего их понесло защищать фюрера, однако какого-либо вразумительного ответа на свой вопрос так и не дождались. Не исключено, что кто-то из французов порывался рассказать о предках-крестоносцах и об Атилле-Сталине, но вовремя раскинул мозгами и прикусил язык.

Конец легионеров

В войне против СССР погибло около **8 тысяч французов** (не считая призванных в вермахт эльзасцев). 3 француза были награждены немецкими Рыцарскими Крестами.

В день Красной Армии – 23 февраля 1945 года – машину, в которой ехал Дорио, обстрелял явившийся откуда ни возьмись самолёт и убил отважного легионера. Закопали французского германофила на кладбище в крошечном баварском городке Менген, надписав на могиле: “Эти люди ныне вместе лежат в могильном холоде бок о бок со своими немецкими товарищами, павшими в совместной битве, как символ воссоединения двух великих европейских народов”.

Если учесть, что символическое “воссоединение двух великих европейских народов”, до того веками люто враждовавших между собою, произошло “в могильном холоде” исключительно при попытке поделить шкуру и мясо русского медведя, то эпитафия обретает сразу несколько смыслов.

В 1961 году французские оккупационные части в Германии обнаружили могилу Дорио, которую по приказу французского коменданта лишили ухода, и та пришла в упадок. Она неоднократно осквернялась: в последний раз на неё просто вывалили кучу фекалий. Смерть же другого “крестоносца” – Мариона – была куда менее романтичной: после войны он был осуждён к 10 годам тюрьмы, но был досрочно освобождён в 1953 году, после чего тут же помер.

Тамбовские сидельцы

На всех фронтах Красной армией было взято в плен 23 тысячи военнослужащих вермахта французского происхождения – всего вдвое меньше, чем итальянцев. При этом следует учесть, что Италия относилась к так называемым “странам оси” и, в отличие от Франции, воевала с нами не только *de facto*, но и *de jure*, то есть официально. Историки сходятся во мнении, что к лету 1944 года в рядах вермахта и СС воевало примерно столько же французов, сколько сражалось в рядах Сопrotивления, масштабы которого были раздуты послевоенной пропагандой. Подсчитано также и то, что в рядах СС и вермахта французов погибло куда больше, чем в Сопrotивлении.

Правду сказать, большинство французов, попавших за колючую проволоку в лагере военнопленных под Тамбовом, были мобилизованные в вермахт “коренные жители” Эльзаса и Лотарингии, аннексированных Германией. В силу признания Советским Союзом аннексии Эльзаса и Лотарингии Германией, французы этих двух провинций автоматически признавались гражданами Франции, насильно мобилизованными Германией. В данном случае зеркально отобразилась ситуация 1870 года, когда в результате победы над Францией немецкие власти признали жителей этих провинций насильно мобилизованными Францией, в силу чего были тотчас же и безоговорочно отпущены из плена. В общем, жизнь на земле Эльзаса и Лотарингии, вечно переходивших из рук в руки то Германии, то Франции, имела свои преимущества. А если бы по проекту Бисмарка они отошли к Швейцарии, то жизнь эльзасцев и лотарингцев стала бы и вовсе замечательной.

Впрочем, СССР согласился считать пленных эльзасцев и лотарингцев гражданами французского государства, насильно мобилизованных вермахтом, в обмен на аналогичное признание уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики гражданами СССР. Сталин сделал великий подарок де Голлю и вправе был рассчитывать на взаимность. Французы стремились развить свой нежданный и негаданный успех, поэтому стали прорабатывать идею создания французских частей из числа военнопленных французов. Этим вопросом вплотную занялся представитель де Голля в Москве Р. Шмитлейн – кадровый французский разведчик, выдворенный советскими властями из Прибалтики в Швецию летом 1940 года. К великому удивлению многих, он без труда получил аккредитацию, как будто никаких инцидентов с ним прежде и не случилось.

Поначалу такая идея советскому руководству не понравилась, и оно ответило отказом. Действительно, французские военнопленные были представлены поначалу добровольцами антибольшевистского легиона, пошедшими воевать в Россию, и давать им в руки оружие в надежде, что они все разом идейно перековались и повернут штыки “против того, кого надо”, было бы в высшей степени легкомысленно. К тому же их было крайне мало.

С мёртвой точки дело сдвинулось тогда, когда в Москву прилетел представитель де Голля капитан А. Мирлес, который привёз из Лондона проект формирования пехотной бригады из жителей Эльзаса и Лотарингии. А. Мирлес был рождённым во Франции сыном “русских революционеров” и свободно изъяснялся по-русски. К тому же у него остались в Москве родственники, связи которых грех было не использовать. Через свою московскую тётю Мирлес добился встречи... с “самим” Лаврентием Павловичем.

Встречу с наркомом капитан описывал так: “Берия меня принял в огромном кабинете, разместившись в дальнем углу, и мне пришлось пересечь весь кабинет. Он создавал впечатление паука, расположившегося в центре своей паутины. Он сразу же сказал по поводу эльзас-лотарингцев, что может считать таковыми только тех, кто сам перебежал или сдался Красной Армии. Те же, кого захватили силой и с оружием в руках, должны считаться немецкими пленными. Я на это возразил: наоборот, с их стороны это демонстрация воли к победе над немцами, раз они оказались в руках Красной Армии с оружием, которое, таким образом, они отняли у немцев. Берия рассмеялся и сказал, что раз так, то дело решено”.

Так это было или не совсем так, теперь уже не дознаешься. Тем не менее, благодаря остроумию и находчивости Мирлеса Берия приказал начать сбор эльзасцев и лотарингцев в специальном лагере для военнопленных под Тамбовом. По просьбе французских представителей немецкая форма у пленных французов была заменена на советскую, чтобы проще было отличать эльзасцев и лотарингцев от прочих немцев. Это происходило в октябре 1943 года. Возглавить бригаду вольных стрелков вызвался Р. Шмитлейн. Однако случилось непредвиденное: сначала Шмитлейна, а вслед за ним и Мирлеса отозвали из СССР, в результате чего проект так и остался незавершённым. Тем не менее, в мае 1944 года по просьбе Временного правительства Франции (читай: де Голля) 1700 французских военнопленных были отправлены советскими властями в Северную Африку, где они были включены в состав 1-й французской армии под командованием генерала Ж. де Латра де Тасиньи — того самого, что подписал от имени Франции Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Большинство же, основу которого составляли нераскаявшиеся носители идеи “освобождения Европы”, предпочло остаться на довольствии в плену: здесь было безопасно. И хотя деликатесов не подавали, зато кормили по расписанию.

А 17 июля 1944 года тамбовские сидельцы продефилировали по Москве, замыкая колонну военнопленных. Следом за ними, чётко держа строй, двигались поливальные машины. Да, товарищ Сталин был Великий Режиссер, умевший придать любому эпизоду смысл и превратить его во врезающийся в сознание СИМВОЛ!

Мобилизованные в вермахт французы были освобождены из плена уже в августе 1945 года, а к 1949 году были выпущены на свободу и все прочие добровольцы. До середины 50-х годов отбывали свой срок лишь те, кто был осуждён за военные преступления, совершённые на территории СССР, а также за преступления, совершённые в местах лишения свободы против своих соотечественников. Последняя амнистия для иностранных военных преступников была объявлена в СССР в июне 1955 года, и по ней вышли на свободу 23 француза. Ещё пятеро “новогаллов” продолжали отбывать свой срок и далее: ввиду тяжести совершённых ими преступлений амнистия на них не распространялась.

Лагерь французских военнопленных под Тамбовом давно уже стал объектом политических спекуляций. Часто можно столкнуться с утверждением, что в нём было замучено до смерти от 14 до 80 тысяч французов, тогда как по официальным данным максимальная численность заключённых лагеря № 188 составляла около 9 тысяч человек. Любопытно то, что они были освобождены от всех работ, кроме работ по поддержанию и обеспечению функционирования самого лагеря.

А теперь подведём итоги. В ходе боёв на советско-германском фронте было убито 8 000 французов и ещё 23 000 французских граждан находились в советском плену.

На стороне СССР воевал полк “Нормандия–Неман”. За время ведения боевых действий через эту часть прошло 96 человек боевого личного состава.

Освобождение

Вряд ли кто дерзнёт отрицать, что посылка в Россию французского добровольческого легиона носила чисто символический характер. Не менее символической была и поддержка полковником де Голлем борьбы СССР с фашистской агрессией. И никакой иной она быть не могла.

Ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Сталин не воспринимали де Голля всерьёз, а посему поддержка генералом СССР из своего чудного *лондонского далека* была способом заявить о себе и обратить на себя внимание. Это было особенно важно для него, поскольку полковника считали во Франции предателем: всем было памятно то, что 17 июня 1940 года он самовольно улетел в Англию. Не мудрено, что большинство французов остались верны законному правителю Франции Петену, и было бы странно, если бы было как-то иначе. Лишь 7 тысяч французских солдат, эвакуированных англичанами из Северной Норвегии, и оказавшиеся в английском плену военные моряки с кораблей, захваченных во время операции по уничтожению французского флота, влились в отряды Свободной Франции.

Все знают о лётчиках полка “Нормандия – Неман”, ставшего символом “совместной” борьбы России и Франции с нацизмом. Менее известен другой эпизод, когда де Голль предложил Сталину принять от него “в подарок” его французские дивизии с Ближнего Востока (Сталин вообще-то просил у англичан 25–30 дивизий). Беда, однако, заключалась в том, что находились они под английским командованием. К тому же де Голль предполагал отправлять их в Россию в тёплое время года, поскольку личный состав дивизий состоял сплошь из коренных сенегальцев. Да, он думал о простом солдате. И это должно быть поставлено ему в плюс! Однако англичане инициативу своего протеже не одобрили, в результате чего проект был похоронен.

Лишь в 1944 году Сталин уступил очередной настойчивой просьбе самоchinного генерала принять его. Находясь проездом из Ирана в Москву в Азербайджане, де Голль попросил показать ему Сталинград. Просьбу генерала уважили, и тот дал волю своим мыслям и чувствам, заявив в присутствии тов. Молотова, что он *искренне скорбит* о “*понесённых совместно (!) жертвах*”! Можно лишь догадываться, что творилось в тот момент на душе Вячеслава Михайловича!

Дальше – больше. Когда генералу всё же разрешили приехать в Москву, он стал делиться с журналистами своими впечатлениями о Сталинграде и под конец выпалил: “Ah, Stalingrad, c’est tout de même un peuple formidable, un très grand peuple!” – “Какой грозный, какой великий народ!” Кто-то из журналистов тут же с готовностью подхватил: “Ah, oui, les Russes...” – “О, да, эти русские...”, – но де Голль тут же оборвал его: “Я говорю не о русских, я говорю о немцах! Как им удалось зайти так далеко?!”

Последующие действия генерала заставляли многих усомниться в его адекватности. Много лет спустя, уже в качестве президента Французской Республики, де Голль отправился с государственным визитом в Канаду, где его встречали так, как обычно встречают главу государства. Потом повезли по стране. Миновать при этом Монреаль было совершенно невозможно, а в нём, как назло, достигла апогея борьба за предоставление Квебеку независимости. Когда правительственная делегация Франции оказалась в Монреале, канадцы, вполне отдавая себе отчёт в щекотливости момента, попросили де Голля быть в его высказываниях “пообтекаемее”, на что де Голль смерил высокую принимающую сторону высокомерным взглядом, вышел на балкон, открыл пошире рот и прокричал: “Vive le Quebec libre!” – “Да здравствует свободный Квебек!”

“Это было неслыханно, скандал был совершенно беспрецедентный, канадская сторона тут же прервала визит де Голля, его усадили в самолёт и отправили назад к французам. Всем понятно, каких усилий требует подготовка правительственного визита, сколько туда вложено труда, да и, кроме того, очевидно, что де Голль приехал в Канаду потому, что государству Франция что-то было нужно от государства Канада, и всё это было принесено в жертву глупейшей выходке, не говоря уж о том, что Франция нажила себе врага на совершенно пустом месте. Де Голль обладал каким-то даром загонять себя в ситуацию, из которой нельзя было выйти, не потеряв лица” (79http://alexandrov-g.livejournal.com/245725.html).

Уже после войны его не раз “укорачивали” американцы и англичане. Часто в особо циничной форме, угрожая применить — в самом прямом смысле! — тяжёлую артиллерию. Но нарывался на эти неприятности де Голль исключительно по собственной инициативе. Однажды французы попробовали удержать за собой кусок итальянской территории. Приказ де Голля был суров и категоричен: “Держаться во что бы то ни стало!” Французские войска, находившиеся на территории Италии, расчехлили было стволы, но тут вмешались американцы, пообещавшие вышвырнуть французов из Италии силой, и де Голль из Италии ушёл.

Но и это ещё не всё.

“Де Голль предложил англичанам заключить союз с ним, с де Голлем, и после поражения Германии не останавливаться, а продолжить войну с победителями — с русскими и американцами. Одновременно. Делая это предложение, от которого, по его мнению, нельзя было отказаться, бравый генерал расплагал силами примерно в 400 000 человек, главным образом африканцев, которых с бору по сосенке переправили в Англию, худо-бедно вооружили и накормили американцы, с которыми де Голль и собирался воевать. Что ему на это англичане ответили, неизвестно, но легко можно себе представить, что они о генерале подумали. “Вот это умище! — подумали англичане. — That’s our man! — “Наш человек!” Кому, как не ему, возглавлять послевоенную Францию, где ещё такого найдёшь?! Надо ему пособить, надо” (79http://alexandrov-g.livejournal.com/245725.html).

Его даже не поставили в известность о дате начала высадки в Нормандии: о том, что его “союзники” высадились во Франции, он узнал из радиопередачи Би-Би-Си. Лишь через восемь дней после начала операции “Оверлорд” ему разрешили поехать во Францию. Фотограф запечатлел де Голля сидящим в шезлонге на пляже в Нормандии сразу же после его доставки туда. Вот он сидит с сигареткой в углу рта и смотрит куда-то поверх головы снимающего. На нём превосходного покроя шинель из превосходного сукна. Генерал сидит и ждёт, когда же, наконец, ему разрешат начать “освобождать” Францию. Обстановка в Нормандии, между тем, была настолько спокойной, что днём позже туда же прибыл английский король Георг VI, чтобы на месте ознакомиться с событиями и воодушевлять свои войска.

Засим последовало “освобождение Парижа”, которое было нужно только и исключительно для того, чтобы представить де Голля в качестве “героя-освободителя”, а не чужеземной марионетки.

Вообще-то Париж был объявлен “открытым городом” и оборонять его немцы не собирались, да у них и не было для этого физических возможностей.

24 августа 1944 года комендант и начальник гарнизона Парижа семидесятирехлетний генерал-полковник Д. фон Хольтиц сдал “свой” город командиру 2-й танковой дивизии армии Свободной Франции генерал-майору Леклерку. Сдал, правду сказать, вопреки воле своего фюрера.

Генеральный консул Швеции и американский генерал О. Брэдли уверяют, что комендант Парижа и руководители Сопrotивления просто заключили взаимовыгодную сделку, устраивавшую обе стороны. “Немецкий комендант Парижа признавал правительство, выдвинутое восставшими, а французы брали на себя только одно обязательство: прекратить стрельбу по немецким войскам”. Впрочем, и та, и другая стороны не были в состоянии сдержать многочисленные стычки между своими подчинёнными. Разозлённый генерал стал в позу и заявил, что он никогда не унижится до того, чтобы сдаваться нерегулярной армии. И впрямь, капитулировать перед какими-то хулиганами было для немецкого генерала сущим позором. Шведский консул решил, что “если немецкий комендант не хочет иметь дела с нерегулярной армией, то, может быть, он пойдёт на переговоры с армией союзников, что дало бы фон Хольтицу возможность с честью сдать столицу Франции. Фон Хольтиц принял предложение шведа, он даже выразил готовность в целях безопасности послать офицера, который провёл бы делегатов через немецкие линии”. Омар Брэдли не без иронии пишет: “Мне гораздо легче было послать на Париж любое количество американских дивизий, но я намеренно избрал французские части”. Впрочем, бронетанковая дивизия Леклерка “медленно прибиралась сквозь толпы французов, на всём пути население встречало её вином и бурными приветствиями. Я не мог осудить французских солдат за то, что они отвечали на приветствия своих соотечественников, но я также не мог ждать, по-

ка они продефилируют до Парижа. Мы должны были выполнить условия соглашения с Хольтицем”. “К чёрту престиж, — сказал я наконец, — отдайте приказ Четвёртой (американской) дивизии выступить и освободить город. Узнав об этом приказе и испугавшись за честь Франции, танкисты Леклерка сели в свои машины и быстро двинулись вперёд”. Собственно, поэтому освободителем Парижа и считается французский генерал Филипп Леклерк, пришедший на помощь восставшим парижанам...

Существует и несколько иная версия “падения Парижа”, что, впрочем, вполне объяснимо. Союзники собирались пройти к северу от столицы Франции, в районе “большого Парижа”, поскольку собственно Парижу они не придавали большого значения. Кроме того, — и это самое главное! — ни американцы, ни англичане не хотели создавать у французов впечатления, что они тривиально “ставят своего” де Голля; им нужна была иллюзия освобождения Франции Францией же. Однако после того как “Вторая бронетанковая дивизия” генерала Леклерка столкнулась с немцами в пригороде Парижа и отошла, потеряв 70 человек убитыми, в дело вынуждены были вмешаться американцы. К тому времени в городе уже воцарился хаос, многоопытные парижане строили баррикады и стреляли друг в друга и в немцев, а немцы в ответ стреляли неохотно, так как придерживались подписанного перед тем с Сопротивлением соглашения о перемирии. Кончилось всё тем, что на город пошли с двух направлений двумя колоннами — американской и французской. И французская — по согласованию — вошла первой, и — *voilà!* — Париж не сгорел ([79http://alexandrov-g.livejournal.com/245725.html](http://alexandrov-g.livejournal.com/245725.html)).

В итоге в освобождённую столицу прибыл де Голль, и тут началось грандиозное представление: торжественное шествие генерала-освободителя по Парижу при огромном скоплении народа. Этому событию посвящено в мемуарах де Голля немало места. “С каждым шагом, который я делаю, ступая по самым прославленным местам мира, мне кажется, что слава прошлого как бы присоединяется к славе сегодняшнего дня”, — писал генерал.

Что до фон Хольтица, то он был взят под арест в тот же день, 24 августа, и отправлен в острог, из которого его выпустили в 1947 году. В 1951 году генерал опубликовал свои мемуары под названием “Горит ли Париж? — “Brennt Paris?”, по которым режиссёр Р. Клеман снял в 1966 году фильм с одноимённым названием: “Paris brûle-t-il?” Неизвестно, успел ли посмотреть его фон Хольтиц, умерший в том же году в Баден-Бадене в возрасте 95 лет.

Несмотря на то, что в фильме снялись такие звёзды экрана, как Кирк Дуглас, Ален Делон, Жан-Поль Бельмондо, Лесли Карон, Антони Перкинс, Симона Синьоре и Жан-Луи Трентиньян, встретили его французы прохладно. Вероятно, многие из тех, кто посмотрел ленту Клемана, ещё помнили те дни, а потому имели своё личное мнение о событиях.

Каким же образом человек, обладавший такими выдающимися “достоинствами”, смог попасть на вершину власти? Да очень просто: де Голль попал в “де Голли” потому, что того захотели не только победители (США и СССР), но и побеждённые (Британия и Франция), из разных побуждений, но хотели этого все. Генерал “просчитывался”, что называется “на раз”, то есть был полностью предсказуем, а его чудесные *взрывки* при необходимости легко парировались.

Весьма показательны и прозвища, которые давались в молодости Шарлю де Голлю его однокашниками и сослуживцами: “дылда”, “индюк”, “король в изгнании”. Последнее, ироническое, он получил от своего начальника в Военной академии за сухость, манеру держаться прямо и постоянно “задирать нос”.

Уже в бытность свою уже президентом Франции де Голль получил от своих политических недругов прозвище “Charlot” — “Шарло”, и наиболее близким к оригиналу переводом его было бы вполне незатейливое “Карлушка”.

В принципе Франция здорово повезло. Объективная послевоенная реальность выглядела так, как будто Франция всех перехитрила. Её верхушка и впрямь считала, что она переиграла всех. И действительно, Франция, удобно устроившаяся в 1940 году “под немцем”, умудрилась сохраниться во время войны в целостности и сохранности. Она оказалась наименее затронутым войной государством в Европе. Более того, война сыграла на руку Франции. В отличие от Германии и Англии, экономика Франции не была разрушена, она практически не понесла людских потерь, и ей открылась перспектива занять

выгодное место между ослабленными войной Англией и Германией и доминировать в Западной Европе. Ну, чем не страна-победитель?!

Однако каким же образом вошла Франция в число официальных главных победителей Второй мировой?

Тайна сия велика есть. “Есть мнение”, что у англо-американцев попросту не было сил для оккупации *верного союзника Гитлера*, тем более что в это время уже вовсю прорабатывались планы войны с СССР. А посему сделать её победителем было в такой ситуации совсем недурным выходом. Не возражал против такого хода и Сталин, имевший свои виды и на Францию, и на французскую компартию как своего коллективного агента влияния, да и на самого де Голля.

Однако возможно и возражение: никакой оккупации Франции союзниками не требовалось: сорокамиллионная “прекрасная Франция” вела себя по отношению к новым победителям так же лояльно и дружелюбно, как и ко всем предшествующим. И доказательством тому является один послевоенный французский анекдот. Учитель спрашивает ученика:

- Пьер, какова численность населения нашей прекрасной Франции?
- 80 миллионов, господин учитель!
- Как же так, Пьер?!
- Очень просто, господин учитель: 40 миллионов были за Петена и 40 миллионов были за де Голля!

Вот такой знатный анекдотец придумали для внутреннего потребления острые на язык потомки галлов. И все это с неизменным парижским изяществом. Ох, уж эти французы! Умеют они пыль в глаза пустить!